

ТЕНИ
У КОСТРА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ТАЭН РИВЗ

Таэн Ривз

Тени у костра

«Автор»

2026

Ривз Т.

Тени у костра / Т. Ривз — «Автор», 2026

В мире, где туманы скрывают древние тайны, а ветер приносят голоса предков, живут истории, что рождаются у костра и уходят в ночь, оставляя после себя лишь отголоски на границе реальности и легенды. Этот сборник рассказов - путешествие по северным землям, где каждый камень хранит память веков, каждая тень может стать проводником между мирами, а каждый выбор меняет судьбу. Здесь вы встретите воинов и скальдов, духов леса и морских богов, древние проклятья и тихие чудеса, а главное - узнаете, что даже в самой глубокой тьме огонь надежды еще горит. Слушайте шепот древних земель. Истории живут, пока их помнят.

© Ривз Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Таэн Ривз	6
На пороге сна	8
Отражение луны	13
Отблеск пыльной "лампы"	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Таэн Ривз
Тени у костра

Таэн Ривз

Таэн Ривз

ТЕНИ
У КОСТРА

Сборник рассказов

На пороге сна



Открыв глаза, Милана почувствовала что-то странное. словно все вокруг было не таким как всегда, хотя стоило ее взгляду окинуть комнату - она убедилась, что все стоит на своих местах. Девушка легко провела ладонью по льняной простыне, вышитой по краям красной нитью. Листья березы, солнца и небольшие кресты – символы плодородия и защиты.

Большая, тоже льняная подушка, набитая пером, источала нежный аромат сухих цветов василька – символа богини Лады.

Жрица медленно поднялась на ноги и направилась к небольшому алтарю в углу комнаты. Вот оно, первое несоответствие, которое показалось ей странным.

Пламя алых и белых свечей застыло в одном положении.

Сердце зашлось частым, глухим стуком, будто где-то вдали, за стеной, бабы испуганно бьют вальками по мокрому белью. Рука сама по себе потянулась к огоньку алой свечи, и кончики пальцев прошли сквозь него, ни обжигая, ни согревая.

Второе несоответствие, которое напугало Милану еще больше. Вокруг не было никаких звуков, столь привычных в храме богини Лады:

Шелест сухих трав полыни и зверобоя, шелест ветра за тонкими стенами, который, то ли жаловался, то ли напевал; и, конечно, тихое, почти неуловимое потрескивание свечей на алтаре Лады — его пламя казалось живым, дышащим, тянущимся кверху как тонкие пальцы, просящие благословения.

Сейчас было тихо.

Неестественно, неправильно тихо.

Милана осторожно взяла в руки алую ленту с алтаря – символ связи с богиней.

- Лада? – тихо прошептала она, но голос, казалось, утонул в этой тягучей и вязкой тишине.

Крепко сжимая ленту в руке, она подошла к единственному окну, затянутому бычьим пузырем. Свет солнца проникал сквозь его мутную пленку, но был не таким, как она привыкла видеть свет от Ярила. словно кто-то протянул тончайший слой бересты, на котором нарисованы еле проступающие лучи. За окном виднелись силуэты деревни, в которой жила жрица. Что же случилось с ними, если одна ее комната стала такой?

Чтобы хоть немного успокоиться девушка прижалась лбом к косяку и почувствовала морозный холод. Это была новая странность, которая заставила Милану выбежать из храма. Она коснулась босыми ногами земли и холод тут же пронзил ее до самых костей, а в голове пронеслось одно лишь слово:

«Навь!»

Трава под ногами была жесткой и колючей. Она впивалась в ступни, словно желая задержать девушку, выпить из нее все тепло, но она продолжала идти вперед. Из рта вырвалось облачко пара и замерло в воздухе, словно стремясь запечатлеть этот миг на холсте.

- Что происходит? – сорвалось с ее уст, а рука с алой лентой устремилась к самому сердцу девицы в поисках защиты.

Взор устремился к небесам. Они были голубыми, ровными, без облаков, словно кто-то разлил синюю краску. Солнце было на своем месте, но каким-то... не таким, его заволокло бледным маревом, как будто кто-то размазал по небу куриный желток. Оно не слепило, не двигалось и не согревало.

«Нет, не навь...» Пронеслось вновь в голове у Миланы.

Она стремилась ущипнуть себя, но не могла пошевелиться и лишь некоторое время спустя, наваждение отпустило ее члены, позволив пойти вперед. Жрица прошла мимо колодца, у которого стояла, застывшая женщина с коромыслом, не издававшая ни звука, даже дыхания не было слышно. Ее глаза были открыты, но смотрели сквозь Милану, совершенно ее не замечая. Даже взмах руки не заметила перед своими глазами.

На заборах висели рубахи – сухие, не шевелящиеся, хотя ветерок должен с ними играть.

У крайнего дома Милана остановилась. Там, на скамейке, как всегда сидел старик – дед Евсей, который обычно, каждое утро чинил сети, как и в этот раз. Челнок в его руке был поднят вверх и в нем застыл блеск солнца. Сеть свисала с его коленей, как замерший водопад.

- Дедушка? – осторожно потормошила его юница, но он не ответил ей, даже не дрогнул от ее прикосновения.

К горлу начал подступать ком. Тело старого рыбака было теплым, живым, но совершенно не реагировало на ее потуги его пробудить. Он спал с открытыми очами. Нет, не так. Вся деревня уснула, а она единственная, кто продолжал бодрствовать.

«Нужно что-то делать...» подумала она и развернувшись, устремилась прочь, дальше, в чащу леса, к самому капищу богини Лады.

Там она упала у требника, где лежали подношения богине. Ее образ, выпиленный из березы, был украшен священными лентами и венком из березы и васильков.

- Матушка, что же это? Помоги... - взмолилась она, взяв уголек из требника и сжав его в своей ладони. – Что мне делать? Ты слышишь меня?

По щекам девушки потекли чистые слезы, застывая морозной коркой на румяных щеках. Но ее покровительница молчала. Даже ее деревянные глаза, казались пустыми. А уголек в руках обратился в пепел.

И тогда Милана услышала голос. Он пришел не извне, а словно звучал внутри нее.

«Ты уже знаешь, что делать. Ты просто боишься признать это».

Голос был ее собственным, но немного другим. Более старческим, более уставшим, более честным?

Милана резко обернулась. Никого...

Но стоило повернуть голову снова к образу Лады, она увидела рядом небольшое зеркало, которого только недавно не было. Что же это? Морок шутит с нею? Зеркало было круглое, в темной деревянной оправе.

Ноги сами собой повели ее к зеркалу. Внутри, вместо ее отражения был лес. Ночной, темный, с белыми стволами берез, а в ветвях – красные ленты. Много красных лент. Они вились между деревьями, как тонкие змеи, и на каждой были начертаны руны. Древние, почти забытые людьми. Они тянулись к ней, словно почуяли свежую кровь. Тепло живого человека.

«Иди к нам... прикоснись к нам...» - шептали они.

- Что это за место? – спрашивала она тихо, в надежде, что голос внутри нее ответит, но он молчал, и она догадалась сама - это был порог. Тот самый, о котором говаривали старики. Граница между сном и явью, между жизнью и смертью, между миром людей и миром мертвых. Граница, между Навью и Явью.

Говорят, что на пороге живут те, кто не ушел и не остался. Те, кто ждет и помнит... как и те, кто готов забрать тебя с собой.

Милана помотала головой.

- Я не пойду туда, - шептала она, но тело более не подчинялось ее воле.

Она не заметила, как шагнула в зеркало и очутилась не возле капища, а в том самом лесу. Кругом стояла глухая, непроглядная ночь, но березы расступились перед ней.

В нос ударил горький и в то же время сладостный запах сухих трав, сожженных в храме.

Милана сделала несколько шагов вперед, понимая, что пути назад больше нет. Позади – стелился густой серый туман, готовый поглотить любого кто осмелится войти в него.

Березы расступались перед ней, тихо шурша своей листвой, словно продолжая шептать: «Сюда... сюда...»

Ленты нежно касались ее тела, вели ее к самому сердцу леса.

- Матушка? – робко позвала она свою покровительницу – Ладу...

И там, на поляне, она увидела ее.

Женщина стояла в центре, неподвижно как изваяние. Она была высокой, тонкой, в длинном белом платье, которое струилось вокруг нее, как речной туман. Волосы ее – чернее ночи, блестящие, словно политые смолой – ниспадали до пояса. В них не было ни седины, ни единого узелка. И ее глаза – темные, без зрачков, как два колодца в которых можно было утонуть.

- Ты пришла, - молвила она, голос ее был тихим, но Милана услышала его так четко, как если бы та стояла рядом.

- Кто ты? – спросила жрица. Голос дрогнул, но она собралась духом и постаралась унять страх.

- Ты знаешь, - ответила женщина. – Ты всегда знала. Ты просто не хотела произносить имя.

Милана сглотнула ком в горле. Холод пополз от женщины по земле. Тот самый, что жрица чувствовала только в самые темные зимние ночи, когда ветер выл за окнами, и казалось, что сам мир замерзает. Этот мороз обвинил ноги девушки и поднялся до самых колен.

- Ты, Мара... - в голосе звучал испуг и благоговение – Морена. Ночная богиня.

- Да, - улыбнулась та. – И я пришла за тобой, жрица Лады. Но не для того, чтобы забрать тебя.

Богиня сделала шаг вперед, и Милана почувствовала, как воздух стал еще холоднее. Березы шевельнулись, зашептали, заскрипели, обступая жрицу и богиню ночи.

- Я пришла показать тебе то, что ты прячешь. – продолжала та.

- Но я н... - хотела протестовать Милана, но Морена не дала ей этого сделать.

- То, в чем ты боишься признаться, даже самой себе. То, что Лада не может принять.

- Ты лжешь, - голос жрицы дрожал.

- Нет, - отвечала все так же спокойно Мара, остановившись совсем рядом со смертной. – Я никогда не лгу. Я – правда. Только правда, которая приходит в конце. Ты боишься меня, потому что я – то, что остается, когда свет гаснет. Но ты забываешь, что тьма тоже часть целого. Без нее нет света. Без меня... нет Лады.

Она протянула руку, на которой лежал маленький кусочек угля, теплый, почти светящийся в изнутри. Она узнала его. Она видела такие угли на капище во время обряда на капище богини Лады. Но здесь, уголек был живым. Он, казалось дышал, пульсировал... как... как сердце, что учащенно стало биться, уже не от страха, а от волнения.

- Возьми его, - сказала Мара. – Это часть тебя, которую ты отрезала от себя. Та, что боится темноты. Та, что сомневается. Та, что хочет сбежать. – И каждое слово Морены, словно гвоздь вколачивалось в самую душу девы. – Признай ее, и ты станешь целой.

Девушка не могла отвести взгляд от угля. Он был таким знакомым, как будто всегда лежал в ее груди, согревая и в то же время пугая.

Перед глазами встал образ того как она, много раз зажигала пламя в священном жертвеннике, как чувствовала его тепло, как успокаивалась от его пламени, бережно собирая несколько угольков в глиняную чашу, чтобы отнести к своему храмовому алтарю. Но никогда не задумывалась о том, что остается после того как огонь догорает. О том, что огонь умирает, оставляя после себя угли, которые еще помнят жар, а не пепел, до которого она доводила березовые поленья, словно сжигала часть самой себя.

- Это не только моя правда, - сказала Милана, и голос ее стал тверже. – Это правда – всех женщин, которые молят о помощи, но боятся попросить. Это правда – всех матерей, которые отдают последнее, но не говорят об этом. Это правда – всех жриц, которые не могут быть чистыми, как лик богини, но должны.

Мара не ответила, но в ее глазах мелькнуло, что-то похожее на одобрение.

- Ты уже начала понимать, - сказала она тихо, словно опасаясь спугнуть маленького зверька, что осмелился приблизиться к охотнику. – Это хорошо.

Милана, осторожно взяла уголек в руку, ощутив приятное тепло, что постепенно разливалось по окоченевшему телу. Она и не заметила, как сильно замерзла в этом месте. К ней, словно прикоснулся родной сердцу человек. Сжав в ладони этот чудесный дар богини, дева почувствовала, что он пульсирует в такт ее собственному сердцу, заставив прикрыть глаза. Тук-тук... тук-тук...

В тот же миг, лес изменился. Красные ленты на березах сорвались с ветвей, начав кружить вокруг Миланы, как стая птиц. Они обвивали ее, касались ее кожи, несли с собой запах дыма костра, пчелиного меда и сухих трав, рисуя древний узор.

- Открой глаза – попросила Мара.

И она открыла. Дева стояла в центре круга, сотканного из алых лент, на которых светились золотом вышитые руны теплым, живым светом. А перед нею стояло то самое зеркало, что было на капище. Только на этот раз в нем отражалась она сама. Но не привычная ее взору, а та, что пряталась в самой ее глубине. Глаза отражения были темными, без света, но в них не было страха. Ее волосы развевались на ветру как у русалки. На левом плече лежала легкая тень. Не пугающая, а естественная, как будто она всегда там была, но Милана никогда ее не замечала.

- Я знала, - произнесла Милана, глядя на свое отражение. – Я знала, что ты существуешь. Я просто не хотела тебя встречать.

- Но ты встретила, - сказала тень. Ее голос был таким же, как у Мары - спокойным, принимающим. – И ты не сломалась...

Милана резко открыла глаза.

Она лежала в своей постели, в своей комнате. За окном пели птицы, пахло сухой полыньей и чабрецом. Все было привычным, но в ней самой что-то изменилось. Она чувствовала покой

в своем сердце. Жрица медленно села, почувствовав как, по руке скатился тот самый уголек из ее сна. Или то уже был другой? Внутри девушки, больше не было пустоты.

- Деревня! – ахнула она, выбегая на порог храма.

Деревня продолжала жить своей жизнью: Люди ходили, разговаривали, смеялись. Женщина с коромыслом уже несла воду домой, а дед Евсей сидел на своем привычном месте и чинил сети.

Милана перевела взгляд на березы, растущие у храма, на них развевались на ветру алые ленты.

Лучезарно улыбнувшись, Милана вернулась обратно в комнату и зажгла свечу. Перед статуэткой она положила маленький кусочек угля, который она так и держала в ладони.

- Спасибо, - прошептала она. – Спасибо, что показала мне правду. Теперь я готова. И в ответ она слышала шепот берез.

«Ступай, дочь моя. Ты стала собой».

Отражение луны



По реке медленно стелился туман, как живое существо, что подкрадывается к своей жертве. Медленно, принося с собой утреннюю прохладу, он обволакивал берега и был готов проникнуть в деревню, но Хмарник, местный защитник, твердо стоит на страже и не пропускает его вперед.

Прекрасная Дивия, богиня Луна, вышла из-за туч, словно слыша тихий шепот защитника, зовущего ее на помощь.

Юная жрица чувствовала это всем своим нутром и без страха в душе вышла вперед, навстречу неизвестности. Она видела эти образы, еле заметные в ночной мгле. От реки пахло влажным деревом и речной тиной.

«Не самый добрый знак...» Скажут люди, но жрица улавливала что-то еще. Необъяснимое, тревожное и в то же время, доброе? Нет, не так. Девушка была не в силах назвать своих чувств словами, поэтому она, молча, ждала, смотря тихое марево.

Ветер стих, будто прислушиваясь. Тени от деревьев стали длиннее, чем положено в этот час. Все замерло в ожидании того, что должно произойти.

И туман принес им.

Скачала, появилась резная голова дракона, с открытой пастью. Глаза этого чудовища, казалось, смотрели прямо на Милану, где бы она не стояла. Легкий страх заронился в ее душе, но она, чувствуя поддержку духов не сдвинулась с места. После показался борт корабля, обросший ракушками и зеленью, пахнущий морем. И наконец – люди.

Высокие, широкоплечие, с косами и бородами, увитыми кожаными ремешками. Их было десятка два, не более, но их присутствие вызывало тревогу. С чем они пришли? С добрыми вестями или войной?

Не часто человек выходит из тумана. Даже жрецы не заходят в самую глубь, опасаясь Нави, как и того, что они никогда более не вернутся домой. А эти...

Девушка, сжала амулет на груди, безмолвно прося защиты, и ступила вперед. К прищлым.

В деревне тем временем все сидели по своим домам, только старейшина вышел и другие жрецы.

Люди с корабля не выглядели как враги, но Милана почувствовала, как внутри нее трепещет что-то, подобно птице, готовой вырваться из груди. Не страх. Нет. Настороженность.

Первым на берег спустился по тонкому веслу высокий, с рыжей бородой, изрезанным шрамами лицом мужчина, представившимся Хальвданом.

Он говорил на ломаном, но понятном языке. Голос его был глухим, как удар волны о скалу.

- Я Хальвдан, сын Бьёрна. Я пришел с севера. Мы попали в шторм. Три дня нас били волны. Мы потеряли путь. Туман не отпускал нас.

Он замолчал, стараясь припомнить местный диалект. Во всем его виде читалась усталость, которую он не пытался скрыть.

- Мы не враги. Мы просим вас только об одном. Позвольте нам сойти на вашу землю. Починить драккар и дать отдохнуть людям. – и тут же добавил, махнув кому-то на корабле. – Мы заплатим. У нас есть железо и добротные шкуры.

Поразительно, как легко и свободно эти могучие люди сбегают по веслу на землю. Дерево было тонким, пружинило под их грузным весом, но ломалось. Словно они были птицами, а не воинами. Они принесли то, о чем говорил Хальвдан.

Старейшина молчал, смотря на пришлого, его людей и их потрепанный корабль. Он видел, что они не лгут, но он также видел, что они – чужаки.

Тишина затянулась. Хальвдан стоял неподвижно, не обращая внимания на то, как вода стекает по его лицу, впитываясь в песок.

Наконец старейшина поднял посох и коснулся им земли.

- Ты говоришь, что потерял путь, – молвил он. Голос был низким, рокочущим. – Но туман не приходит просто так. Он приходит, когда кто-то ищет то, что не должен найти. Что ты ищешь? И с какими помыслами?

Хальвдан не отвел взгляда.

- Мы не враги тебе, старейшина. Мы – купцы. Мы шли на юг, к Великому пути, с мехами и серебром, – но мужчина замолчал.

Из-за его плеча вышел человек, которого никто не заметил сразу. Он был ниже остальных, не носил при себе меча. Вместо него был странный предмет. Деревянный, вытянутый, с натянутыми струнами. Этот предмет явно был старым, местами потертым, но украшенным резьбой, изображающей змей, переплетающихся в вечном движении.

- Мое имя Эйвинд. Я – скальд. Мы искали не только торговли, но слышали старые песни о той, что крутится и поет. О той, что рождает золото. О той, что дает хлеб, когда его нет. Мы слышали о Сампо.

Он посмотрел старейшине прямо в глаза.

- Но так, же пришли за новыми песнями.

Снова воцарилось тягучее молчание, которое вновь нарушил глухой удар посоха о землю.

- Сампо, - сказал старейшина тихо, словно опасаясь, что его услышат злые духи. Но в его голосе было столько же уважения, сколько и осторожности. – ты пришел за тем, о чем даже мы не говорим вслух. Что не принадлежит ни людям, ни богам.

Старейшина сделал шаг вперед.

- Но я вижу, твои глаза не лгут. Ты не хочешь украсть. Ты хочешь увидеть. Это другое. И может быть, единственная причина, по которой вы все еще живы. – и на этом отстранился, продолжив уже громче.

- Вы можете остаться. Вы почините корабль. Вы отдохнете. И если судьба позволит, вы увидите то, что ищите. Но помни, сын Севера. Сампо – может оказаться не тем, что ты ожидаешь увидеть.

Милана слушала весь их разговор с холодным вниманием. Она не могла вот так просто поверить чужакам из-за моря, хотя старейшина говорит, что их глаза – зеркала их душ не лгут. И взгляды их со скальдом пересеклись, после того как тот поклонился старосте деревни и в них читалась мудрость прожитых зим. Мужчины разошлись, но скальд остался и подошел к жрице, что так заинтересовала его.

- Ты думаешь, что найдешь ее здесь, у моей реки? – спросила она прямо, не позволяя северянину начать разговор первым. – Ты пришел в мой дом, - голос ее становился холоднее. – Ты не знаешь нашей земли. Ты не знаешь наших теней.

Мужчина на миг задумался о ее речах.

- Висы ведут нас за собой.

Скандинавы разместились на берегу, подальше, чтобы не тревожить деревню. Они развели костёр, поставили котлы, достали сушёное мясо и хлеб. Они были уставшими, но не потерявшими достоинства. Милана смотрела, как они двигаются — уверенно, неторопливо, как люди, которые привыкли доверять себе и своему оружию. Но в их глазах была не только сила. Было что-то ещё — тоска, которую они не показывали друг другу.

Скальд разместился на берегу и положил свой инструмент на колени.

- Это Харпа – произнес он, приметив тень Миланы. Он провел руками по струнам, вызывая низкий, похожий на гул моря звук. Это звучало как приглашение.

Милана приблизилась, присев в небольшом отдалении от чудака. На расстоянии вытянутой руки.

— Ты — витки. Я чувствую это по тому, как ты смотришь на меня, на воду перед тобой, — сказал он, не поднимая глаз. — Но ты не похожа на тех провидиц, которых я встречал на севере. Они всегда говорят о судьбе как о чём-то неизбежном. А ты — ты говоришь о ней как о чём-то, что можно увидеть, но не назвать. — Потому что судьба не в том, что случится, — ответила Милана. — Она в том, как мы смотрим на то, что уже произошло. Вы, северяне, верите, что будущее уже написано. Мы верим, что оно отражается в прошлом. — Это странная мудрость, — сказал Эйвинд.

- Это мудрость наших предков и наших богов. – на что мужчина коротко кивнул.

Туман за это время успел уйти, позволив луне отразиться в водной глади.

- Я пришёл с севера, где волк гонится за луной. Я не ищу исцеления. Я ищу песню, которую никто не пел.

- Ты говоришь о беге, мы говорим о стоянии. Ты поешь о волке, мы молчим о нем... - загадочно произнесла Милана.

Эйвинд поднял голову, взглянув на нее. В его глазах был не вызов, а скорее усталость от долгих споров с самим собой. Но о чем?

- Расскажи мне о своей луне. – попросила жрица. – Ты говоришь, что волк гонится за луной, а она убегает?

- Да, - кивнул скальд, а голос наполнился глубиной, как будто он был готов отворить дверь в свой дом. – На севере мы зовем ее Мани. Он брат Соль, солнца. Каждую ночь он мчится в своей колеснице по небу, а за ним гонится волк Хати. Мы знаем, что это не может длиться вечно. Когда наступит Роккр (сумерки, конец света), волк догонит его и проглотит. Такова судьба.

- И вы не пытаетесь остановить это? – искренне удивилась жрица.

- Мы не можем остановить то, что неизбежно, - покачал головой Эйвинд. – Мы можем только сделать так, чтобы наш путь имел значение. Каждая ночь – это подвиг, это песня. Даже если она будет последней. Ты не понимаешь этого, потому что твоя луна стоит на месте. Ты не знаешь, что такое бежать, зная, что тебя в любой момент могут догнать.

- Ты думаешь, я не ведаю страха? – в голосе девушки зазвучала твердость и сталь. – Ты считаешь, я не чувствую, как тени сгущаются вокруг меня каждую ночь? Я стою на пороге между мирами. Я вижу то, что ты даже не в силах молвить. Моя луна не бежит, потому что ей не нужно бежать. Она хранит тайны. Она защищает. И если ты не уважаешь это, ты не уважаешь меня.

- Мы не смеёмся над богами, — ответил Эйвинд, и в его голосе впервые появилась серьёзность. — Мы чтим своих и уважаем чужих. Но мы не боимся задавать вопросы. Если твоя Дивия или Лада — настоящая, она не побоится вопросов.

Милана в пылу совершенно не заметила того, что северянин знает ее богинь.

- Она не боится, но страшно мне. Потому что я знаю, что вопросы могут сломать тишину. А тишина - это всё, что у нас есть.

- Я уважаю тебя, - вздохнул северянин. – Но я не могу уважать страх, который ты называешь мудрость. Ты боишься, что если признаешь, что твоя луна может упасть, то мир рухнет. Но он не рухнет. Он просто изменится.

- А ты? Ты не боишься, если признаешь, что твоя луна может остановиться и исчезнет смысл?

- Я боюсь этого больше, чем ты думаешь. Но я не могу жить в страхе. Я могу только петь.

- Тогда пой, спой мне свою песню и я скажу тебе, что она значит.

Мужчина долго смотрел на отражение луны в реке в своих думах и вскоре коснулся струн, а звук идёт, будто из глубины веков, низкий, тягучий, как течение реки под луной.

Слушай, жрица, не как сказание о дальних землях, не как хвалу богам, что стоят высоко и незримо. Это песня о встрече — о том, как дрожит тишина, когда два мира встают друг перед другом, не пряча лица.

Луна твоя, Дивия, плывёт над полями, как ладья, в её свете — дыхание трав, шёпот корней и покой. Она — чаша, полная молока, оберег у порога, она шепчет: «Стой. Слушай. Будь здесь. Не торопись».

А мой месяц — как секира, что небо рассекла во мгле, он режет тьму, он зовёт за край, туда, где не видно дна. Он — голос ветра, что воет над фьордами в час ночной, он говорит: «Иди. Не стой. Пусть мир изменится вновь».

И вот мы стоим на берегу, где река делит два берега, где твой оберег и мой клинок смотрят друг на друга в упор. Мы не смеёмся над богами — мы чтим своих и чужих, но мы не боимся спросить: «А что, если небо падёт?»

Не падёт — оно просто станет иным, как река, что весной выходит из берегов. Страх — не мудрость, если он запирает дверь, а мудрость — в том, чтобы шагнуть и не потерять себя.

Я боюсь, что мой месяц замрёт и погаснет в вышине, что исчезнет смысл, если я признаю его хрупкость. Но ещё страшнее — не петь, не идти, не смотреть вперёд, позволить страху стать стеной между мной и миром.

Так пусть твоя Дивия хранит этот берег и твой покой, а мой месяц ведёт меня дальше, за край земли. Пусть они не спорят — они просто светят, каждый по-своему, и в их свете мы видим друг друга — ясно, без лжи.

Мы — не враги, мы — два голоса в одной тишине, два пути, что сошлись у воды, чтобы сказать: «Я здесь». И если вопросы ломают старую тишину — пусть ломается. Новая будет крепче, если мы её построим.

Эйвинд опустил руки, струны ещё долго дрожали, отзываясь эхом.

Милана ещё долго молчала. В ее глазах не было гнева, как и примирения. Скорее уважение, смешанное с болью.

- Ты пел о том, что мы разные... - прошептала она наконец. — Но ты не пел о том, что мы можем понять друг друга. Ты пел о двух дорогах, которые встречаются и расходятся. Это честно скальд, но и горько.

Отблеск пыльной "лампы"



Эта история произошла далеко за морем, на Севере, где суровыми зимними вечерами бродят злые великаны, покрытые многовековыми льдами. Там, гигантский змей точит корни священного древа. Там же живут грозные воины, которых ты можешь спутать с диким зверьем. Именно там, мой дорогой слушатель, среди высоких деревьев, кроны которых смыкаются над тропами диких зверей, где холмы хранят древние тайны, стоит колодец.

Э, нет, подожди, не так быстро, мой юный друг! Ведь этот колодец не так прост как тебе может показаться. Его крышка заколочена толстыми досками, скрепленными листами железа. Вокруг этой самой крышки вьются, древние руны, которые не каждый в силах прочесть.

Поговаривают, что если подойти к нему в определенный день и в определенное время, ты услышишь тихий, усталый, как ветер, который дует из-под земли, голос.

«Кто ты?» – спрашивали те, кто осмеливался приблизиться.

«Я тот, кто был изгнан», – отвечал голос. – «Я тот, кто знал слишком много и сказал, слишком громко».

Хочешь узнать, чей же то голос? Так слушай внимательно.

Легенда гласит, что когда-то давно, жил дух по имени Храфн, который служил богам вестником и носил слова между мирами.

- Как вороны Одина! Мунин и Хугин?! – перебил своего деда малец, что был не с силах усидеть на одном месте.

- И да, и нет... Слушай, не отвлекайся. - ответил дед.

Храфн знал тайны богов, слышал их разговоры и споры, видел их слабости и однажды, он сказал людям то, что боги старались скрыть.

«Они смертны, как и вы. Они испытывают страх, так же как и вы, просто лучше прячут свои страхи»- сказал Храфн людям.

Боги разгневались...

Старик на мгновение замолчал, приметив, что его внук, снова стремится высказаться, но его братья быстро закрыли тому рот ладонями. А ведь старый воин догадывался о ком хотел сказать внук. О легендарном Локи и лишь кратко кивнул продолжив:

Боги разгневались на Храфна, но не могли убить его, так как считали себя бессмертными и убийство посланника только подтвердит его речи. Посему было решено заточить его. Долго думали боги: Как? Куда? Да, так, чтобы никто его не нашел.

Тогда взяли они его суть, свернули ее в тугой узел и сбросили в самый далёкий, всеми позабытый колодец. Сверху они наложили руны, которые не позволяли ему говорить с теми, кто не готов слушать.

Молвил тогда Один:

- Ты останешься в этом колодце до тех самых пор, пока кто-нибудь не откроет этот колодец по собственной воле. Не по принуждению, не по ошибке, а по свободному выбору. Только тогда ты сможешь выйти. Но только если тот кто открыл его заплатит цену.

Храфн не плакал, не сопротивлялся и не просил пощады. Он понимал, что боги поступают так лишь из страха. Он только спросил:

– Какую цену?

– Ту, которую он сам назовет. – загадочно ответил Всеотец, приказав, заколотить колодец.

Веками приходили люди к колодцу, но руны пугали их. Если им везло и кто-то приходил в определенный день в году, то могли слышать странный, тихий шепот, но не могли открыть крышку. Много толков пошло о том колодце по разным деревням.

И только самые отчаянные, которым нечего было терять, отправлялись на поиски удивительного места. А сняв доски, слышали о цене, но что за цена? Никто не ведал, отчего уходили ни с чем.

Так прошло еще много веков, пока к колодцу, в ночь, перед днем Мидсумар, что связан с богом Бальдром, сошедшим в нижний мир, пришли три путника. Они не знали друг друга, но одна легенда свела их в одном и том же месте у старого колодца.

Первого звали Харальд. Он был богат и его дом стоял на берегу фьорда. Его корабли бороздили моря, сундуки – полны серебра и меха. Но у него не было наследника. Он мечтал о продолжении рода, и о том, чтобы имя его осталось в Висах. Харальд пришел к колодцу с золотой чашей, украшенной рунами.

Второго звали Арн. Он был беден, а дом его - это хижина у скал. Одежда его была вся в заплатках. У него не было ничего, кроме старого серебряного кольца, которое носил еще его отец. Он хотел богатства. Не для себя, а для своей больной дочери, которой нужен был хороший лекарь и теплая одежда. Нужна была надежда.

Третьего звали Сигурд. Он был путешественником, дом его - просторное небо, семья уж давно почил, а денег он отродясь не видывал. Он жил в дороге, слушал ветер и говорил с тенями. На его шее висел кусочек обсидиана, найденный у моря. Он просто не знал чего он желает, но у него было чувство, что он должен быть здесь и сейчас.

Колодец стоял перед ними, заколоченный, старый, поросший мхом. Доски уж давно почернели от времени, железная пластина покрылась ржавчиной, но руны все еще были видны. Они светились в темноте тусклым светом, как будто что-то внутри колодца пыталось пробиться наружу.

– Ты тоже пришел за ответами? – спросил Харальд, глядя на Арна свысока.

– Я пришел за надеждой, – ответил Арн.

Сигурд молча, с напряженным вниманием наблюдал за колодцем.

Путешественник смотрел на колодец, словно чувствуя что-то. Необъяснимое. Харальд же тем временем продолжал:

– Мы должны открыть его. Легенда гласит, что тот кто откроет колодец, может пожелать все, что угодно.

– Легенда также говорит, что за желаемое нужно заплатить цену... – кивнул Арн.

– Цена – это плата за желаемое. – подытожил купец. – я готов заплатить.

Оба человека подошли к колодцу. Доски держались крепко, но Харальд принес с собой топор, которым не помедлил воспользоваться.

Он ударил первый раз по крышке и дерево треснуло под этим натиском. Вторым ударом заставил металл сорваться со своего места. На третий удар – все, что осталось от крышки обрушилось в бездонное лоно колодца.

Изнутри пахнуло холодом, который пронзил до самых костей. Тьма внутри была столь густой, что ее можно было коснуться и почувствовать ледышку самого Ётунхейма. Путники смотрели в эту тьму и в ней стал появляться тусклый, едва заметный отблеск, как от старой пыльной свечи, забытой в погребке. Он не освещал, а скорее обозначал присутствие чего-то или кого-то живого.

– Ты открыл колодец... – раздался голос, в котором чувствовалась вековая мудрость, сила и усталость бытия. Он исходил из недр глубокого провала, но казалось, что он звучит прямо внутри каждого из присутствующих.

– Кто ты? – насторожился Харальд.

– Я тот, кого вы ищете, – слышался ответ. – Я Храфн, вестник богов. Я был заточен здесь за то, что сказал правду и теперь, я свободен.

Из мрака колодезного «ока» медленно поднялся свет. Он был тусклым, словно накрытый бычьим пузырем. В этом свете проступили очертания высокой, тонкой фигуры с длинными волосами, которые струились как дым. Лицо было бледным, глаза черными, словно дно колодца.

– Ты свободен, – осмелел Харальд. – тогда исполни мое желание.

– Я исполню, но ты должен назвать цену. За каждое желание нужно платить. Такова справедливость.

– Я отдам все, свое золото! – не стал даже раздумывать Харальд. – Я отдам тебе все, что у меня есть, если ты дашь мне сына!

– Ты уверен? – решил уточнить Храфн.

– Уверен!

– Тогда будь по-твоему, – кивнул дух, протягивая руку.

На краткий миг на кончиках пальцев вестника собрался яркий свет и погас. Харальд почувствовал как в нем, что-то изменилось, словно невидимая нить соединила его с этим местом.

– Ты получишь сына, но ты заплатил не золотом, а любовью. Ты никогда не сможешь полюбить его. Он вырастит, но ты никогда не познаешь отцовской гордости.

Харальд отшатнулся от духа как от огня. Лицо стало бледнее снега.

– Я просил о наследнике, я не просил о проклятии... – с трудом вымолвил Харальд.

– Ты получил наследника, – спокойно поведал дух. – Проклятье ты принес с собой.

Арн, видя, что случилось с мужчиной, все же решил попытать счастья, посчитав, что ему-то точно нечего терять.

Его руки била мелкая дрожь, когда он снимал со своего пальца отцовское кольцо.

– Я не могу дать тебе золото, – дрожь слышалась в голосе просящего. – У меня ничего нет, кроме этого кольца, оно принадлежало моему отцу, а до него его отцу. Это все, что у меня есть. Я отдаю его, чтобы моя дочь не хворала. Чтобы она могла жить. Чтобы я мог смотреть на нее без боли.

Храфн взял кольцо на мгновение кольцо блеснуло в его пальцах.

– Ты отдаешь память, ты отдаешь единственное, что у тебя есть. Ты не просишь о богатстве. Ты просишь о жизни. Но ты должен знать, что дочь твоя выживет. Она будет сильной и будет жить так долго, сколько отмерено ей сестрами – Урд, Верданди и Скульд. Но она никогда не будет твоей. Она уйдет далеко, туда, где ты не сможешь ее найти. Она будет жить, но ты потеряешь ее.

Арн замер. Такого решения он не мог себе представить. Нет, он не стал плакать, но его дыхание стало тяжелым.

– Я хочу, чтобы она была счастлива.

– Она будет счастлива, но не с тобой. – покачал головой Храфн.

Арн покорился судьбе и отошел от колодца. В его руках более не было кольца, но на сердце появилась тяжесть камня.

Они оба получили то, что просили, но он, Арн понял, что его желание было не о дочери, а о том, чтобы ее жизнь была связана с ним.

Последним приблизился Сигурд, которого до сего момента никто не замечал. Он говорил ровно, не плакал, не дрожал. Он просто стоял возле колодца и смотрел на духа.

– Я не знаю, чего я хочу. Я пришел ни за богатством, ни за жизнью, ни за любовью. Я пришел, потому что чувствовал, что должен быть здесь. Я пришел с тем, что есть у меня. – с этими словами мужчина снял камень со своей шеи. – Чтобы ты увидел его. Он передал камень из рук в руки. Тьма с легким шипением выползла из колодца и сгустилась вокруг духа и Сигурда.

– Ты даешь мне то, что не имеет цены. – сделал свой вердикт вестник богов. – Ты не просишь ничего, кроме правды. И правда будет дана тебе. Ты будешь видеть то, что другим не дано. Слышать то, что другие не смогут. Знать то, что другие никогда не узнают. Но ты заплатишь за это тем, что никогда не сможешь быть с другими. Ты будешь одинок в своем знании.

– Я знал это... – спокойно ответил путник.

Он отошел от колодца и на его лице не было страха, ни боли. Было только спокойствие.

Говорят, что колодец все еще стоит на том же самом месте. И по сей день, в ночь перед Мидсаммером к нему приходят люди. Одни приносят золото. Другие – кольца. Третьи – камни, найденные у моря. Но никто не догадывается, какую цену придется заплатить. Потому что колодец не дает желаемого. Он дает правду. А правда – это самое страшное, что можно получить. Иногда, в самые тихие вечера можно услышать, как доносится смех. Это Храфн. Он ждет следующего путника, который откроет колодец. Но теперь он знает: Тот, кто открывает крышку, всегда платит. И цена всегда выше, чем думает человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.